
author: Антон Милорадов
title: Диптих
date: "2015-05-05"

Квантовая механика

— Ты мне нужен, — в трубку прохрипел дед. Опять, наверное, чего-то хочет, — найди мне частицу бога.

Зеленый тусклый свет пробираясь через закрытые шторы подчеркивал пылинки, которые медленно опускались на его лицо. Очки съехали на нос. Неподвижное скелетообразное тело. Затхлый запах саркофага. Он спал с открытым ртом, шумно вдыхая пыль.

Он умирает последние лет двадцать. И каждый раз по-настоящему. Но все равно продолжает существовать. Как он это делает — я до конца не понимаю. Он не обладает тягой к жизни, не верит в лучшее и не молится громче всех. Он просто боится смерти. Очень боится смерти.

Дед резко вдохнул, дернулся, и за его зрачками сверкнул ужас. Он смотрел прямо на меня паническим, неузнающим взглядом. Туман сна уходит, он понимает, кто я. Расслабляется. Начинает искренне улыбаться. Его улыбка всегда меня подкупала.

По правде, я не люблю ни его, ни бабуку. Это не яркое чувство, не отторжение, не ненависть. Просто дистанция, сдержанность и приличность. Которая всех устраивает. Я приезжаю к ним нечасто: раз в месяц, в два. Не потому что мне хочется, а потому что чувствую ответственность. Смешно, конечно, ведь я им ничего не должен, ничего от них не хочу. Но положено навещать родственников. Я и навещаю.

Всю свою жизнь он, с девяти до шести, чертил атомные бомбы, потом водородные бомбы, потом соленоиды, которые тоже почему-то взрывали. Вечера он проводил только с семьей, никаких друзей. До самой старости он не выходил из дома без зонтика, в который был впаян железный прут, чтобы отбиваться, если вдруг нападут. Если бы он мог доползти до дверного глазка, когда я позвонил, я уверен, что он сделал бы это только для того, чтобы пристально осмотреть лестничную клетку.

После третьего инсульта он, конечно, заметно сдал. Вот и сейчас смотрит на меня и улыбается. Наверное, стоит натянуть улыбку и войти в свою роль полную уважения и внимательности:

— Здравствуйте!

— У меня умер... брат. Я не смог поехать, — он говорил с заметным трудом. Сложно сочувствовать смерти человека, которого ты никогда не видел и не знаешь даже по имени. Смесь страха и скорби исказили лицо деда. Проще будет сопереживать ему.

— Мои соболезнования. А не можете поехать — ну это же понятно, с вашим-то состоянием. Из-за чего он умер?

— От водки. И второй умер от водки. А третьего отравил водкой охранник синагоги по фамилии Пэниц.

— Как?

— Пэниц была его фамилия, — паузы в его комнате невыносимы, за них успевают промчаться все недодуманные за прошедшую неделю мысли. Он продолжил, — Никогда не пей.

В этот раз он не смог рассказать эту притчу до конца. Но, благо, за годы повторений я знаю ее близко тексту:

— Никогда не пей и не кури. Я всю молодость курил и любил заложить за воротник. Только к сорока ко мне пришло осознание, что так больше нельзя. Я разработал план, по которому сокращая количество выкуренных сигарет по одной в неделю, я бросил курить. А пить резко прекратил. Кто знает, может, если бы я не начинал, то был бы сейчас здоровым и прожил дольше. Интересно посчитать, насколько это сократило мою жизнь.

Вторая притча звучала так:

— Никогда не смотри в атомный реактор. У нас на производстве был один рабочий, который посмотрел. Он знал точно, что нельзя: все инструкции это запрещали. Но ему было жутко интересно. И он решил, что одним глазком можно. Он и глянул, буквально на секунду. И сказал, что видел много света; ничего красивей в жизни не видал. Он конечно же сразу ослеп. Его пытались спасти, но он получил слишком большую дозу. Перед тем как он умер, у него сгнил весь мозг. Никогда не смотри в атомный реактор, даже если очень интересно.

Третья притча:

— Всегда старайся. Когда я учился, я учился по способностям, но никогда не трудился, как остальные. Сдавал все в последний момент. Однажды принес десяток чертежей в последний срок сдачи, сделав их за ночь, когда остальные корпели над ними два месяца. Товарищам это очень не понравилось, меня даже из комсомола хотели исключить. Но я выкрутился. Всегда учился на тройки и не заботился. Теперь я понимаю, как был неправ. Мне даже начальник на работе написал в рекомендации, что я справляюсь с такими задачами, за которые другие бы даже не взялись. Всегда живи старанием, а не по способностям.

Еще была четвертая притча про то, что всегда стоит проверять тормоза в машине. Но ее я опушу.

Когда-то я спросил его:

— Вы никогда не думали, что с помощью вашей работы можно выжечь все живое?

Он обиделся и ответил:

— Я видел академика Харитона.

Я помню, как после первого его инсульта, нашел у него кроссворд. Он правильно угадывал все ответы, но пропускал половину букв. Я взял ручку и вписал буквы. Когда он увидел кроссворд, он смутился и почему-то разозлился. С каждым разом его речь становилась хуже и его это не волновало. Но он всегда старался восстановить навык записывать все ровным и аккуратным почерком в зеленые тетрадки по двенадцать листов. В них он хранил свою теорию.

— Как там ваша физика? Работаете?

— Потихоньку. Посмотри там, — сказал он, улыбнувшись и указав на тумбочку. Его глаза замерцали от интереса.

Я достал стопку тетрадок. Дед вздумал, что он великий физик и стал писать свою теорию лет тридцать назад. Она должна соединить физику и сделать мир цельным. Или оказаться таким же далеким от истины мусором, который пишут сотни дедов типа моего.

Я не знаю физики дальше школьного курса и книжки Хокинга, но люблю спрашивать у него про теорию, слушать, как он диктует мне выкладки. В такие моменты я чувствую что-то типа любви, сопричастность что ли. Я делаю умные глаза, киваю ему, задаю сопутствующие

вопросы и ничего не понимаю.

Но он и не хочет, чтобы я понимал. Дед ужасно боится, что кто-то украдет его теорию. Раньше он хотел писать Капице потому что уж он-то точно не украдет. Но теперь Капица умер. И деду некому писать. Он предлагал мне разделить Нобелевскую премию пополам, если я опубликую его работу. Только я не знаю кому нужны его тетрадки по двенадцать листов. Да и он побоится мне их отдать. Вот и сейчас дед открыл тетрадь и быстро пролистал ее у меня перед глазами так, чтобы я не увидел ничего лишнего.

— Вот формула. Здесь спин одна вторая, — сказал он.

— Это так? — я показал рукой в пространстве.

— Нет это вот так, — поправил меня дед.

— Мне нужен бозон. Посмотришь?

— Посмотрю, — я понятия не имел, что конкретно мне нужно было смотреть про бозон и открыто ли это наукой. В следующий раз он про это не вспомнит.

— У меня от физики поднимается давление.

— Не спрашивать вас больше?

— Не спрашивай.

Когда-то я сказал, что Перельман, наверное, шизофреник. Дед орал на меня впервые в жизни. Он кричал, что я не имею никакого права так говорить, ведь это не доказано в отличие от гипотезы Пуанкаре.

— У тебя есть девушка?

— Да/Нет

— Знаешь, у меня была девушка. На большой земле, в Москве. Худенькая. Высокая. Матери она не понравилась. А я побоялся уйти к ней. Я был студентом. Не хотел обязанным чужим людям. Потом я как-то приехал из закрытого города. Она была замужем. Говорила, что любит. Хотела уйти ко мне. А я побоялся.

— Жалееете?

В комнату заглянула бабка.

— Вы представляете! Вы представляете! Там по телевизору девушку изнасиловали и...

— Сожгли?

— Да, откуда ты знаешь? Пошли посмотрим!

Я зашел на кухню. По телевизору крутили сериал. На столе была тарелка с жаренной картошкой.

— Ну что? Он тебя не утомил? С ним же скучно. Как начнет про свою физику — не знаешь, куда бежать. А про девку по телевизору интересно. Интересно, как она горела.

Представляешь на такое в жизни посмотреть?

— Не очень.

— В наши времена такого не бывало. У нас в деревне такого никогда не было. Хотя один раз мужик изнасиловал девочку. Тринадцатилетнюю. Падчерицу свою. Так она сама виновата была — у нее задержки в развитии, небось напрашивалась. А какой мужик был. Статный. Красивый. И надо отметить, честный. Сам потом пошел и утопился.

В моей голове было тихо. Я откинулся и разглядывал чашки в серванте. Я думал, что страшно боюсь быть похожим на деда. Бабка резала колбасу со звуком “чоп-чоп-чоп” и с интересом уткнулась в сериал. И вдруг она тихо сказала:

— Скоро все кончится.

— Что кончится?

— Чайник, говорю, скоро вскипит. Общая теория относительности

Он лежал в своей кровати, пока за окном тлел зеленый закат. Идея не давала ему заснуть. Он не успевал записать ее, хотя у него не было других дел, других перспектив или каких-либо забот. Каждый раз когда он брался за нее серьезно, жизнь показывала ему, что он никогда не сможет успеть найти полную форму, до конца разгрызть загадку мира. Слабость его тела и духа никогда не дадут его Идее цвести, заслоняя собой саму природу. Поэтому она медленно вянет у него внутри, порождая боль по тому, что не сбудется.

Он посмотрел в окно, за которым тлел мир, который никогда не будет принадлежать ему. За дверью гуляла смерть, ступая глухо “чоп-чоп-чоп”. Он боялся не смерти, а мысли, что все Идеи, в сущности своей, ничтожны перед цельностью мира.

Антон Милорадов, 4 курс